

УДК 159.922

В 2012 году в издательстве «Наука» планируется выход в свет книги профессора социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), д.соц.н. Владимира Владимировича Солодников и профессора Института психологии им. Л.С. Выготского, д.соц.н. Ирины Витальевны Солодниковой «биполярные возрастные задачи развития личности как теоретический конструкт». Предлагаем вниманию читателей отрывки из этой книги.

В.В. Солодников, И.В. Солодникова
БИПОЛЯРНЫЕ ВОЗРАСТНЫЕ ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ
КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

В данной работе биполярные задачи развития личности, специфичные для определенного возраста, будут рассмотрены — в качестве предыстории — в рамках классических психологических теорий развития личности, но преимущественно с учетом достижений влиятельного направления в зарубежной социальной науке — развитие личности в течение всей жизни (life-span development). Его представители анализировали жизненный путь личности в целом и предложили понятие *задача возраста*, которая обладает биполярной структурой (континуум с двумя полюсами).

В ходе изложения будем иметь в виду три аспекта, касающиеся (биполярных) возрастных задач личности:

- Их интерпретация, содержание и вариативность.
- Эксплицированность их гендерной специфики.
- Инструментально-методические особенности их изучения.

Обратимся сначала к классическим психологическим теориям развития личности З. Фрейда, Ж. Пиаже и Д.Б. Эльконина.

Отечественным классическим и наиболее разработанным психологическим подходом к развитию личности является периодизация психического развития Д.Б. Эльконина [12]. Им были выделены шесть этапов развития ребенка — от рождения до окончания им средней школы (см. более подробно: Обухова Л.Ф. «Детская психология» [4, с.193–295]). Каждый период характеризуется новообразованиями (позитивными приращениями в формировании личности, новыми навыками).

Так, для первого этапа (*младенчество* — от рождения до года) характерно возникновение ходьбы и первых слов. Второй этап (*раннее детство* — 1–3 года) завершается формированием у ребенка активной речи, наглядно-действенного мышления и совершенствованием восприятия. Третий этап (*дошкольный возраст* — 3–7 лет) характеризуется такими новообразованиями, как произвольность поведения, соподчинение

мотивов, возникновение детского мировоззрения, формирование первичных этических инстанций и готовность к обучению в школе. Далее этапы развития ребенка, по Д.Б. Эльконину, совпадают с этапами школьного обучения. Четвертый этап (*младший школьник* — 7–10–11 лет) завершается формированием следующих новообразований: произвольность и осознанность всех психических процессов. Следующий, пятый этап (*подросток* — 10–11–15) характеризуется появлением рефлексии, чувства взрослости, возникновением первых жизненных планов (в первую очередь профессиональных). Последний этап в периодизации Д.Б. Эльконина (*ранняя юность* — 15–17) сопровождается возникновением таких новообразований как профессиональные интересы.

Мы видим, что новообразования возраста (в качестве аналога возрастных задач развития личности) формулируются как позитивные приращения различных личностных качеств и/или качественных изменений психических процессов. При этом практически не рассматриваются последствия возможной несформированности новообразований каждого этапа и соответствующие изменения личностного пути. Задачи развития личности являются гендерно неспецифическими, едиными для мальчиков и девочек.

Методический инструментарий исследований, лежащих в основе концепции Д.Б. Эльконина, богат: на ранних, доречевых этапах развития в первую очередь используются различные варианты наблюдения и анализ материнских дневников (преимущественно качественные методы исследования), а применительно к детям старшего возраста — эксперимент, закрытые формализованные опросники и тесты (с акцентом на количественные методы). Примеры проведения длительных лонгитюдных исследований нам неизвестны.

Зарубежным классиком, внесшим существенный вклад в закономерности развития личности, является Ж. Пиаже [6]. Укрупненная версия его периодизации развития детского мышления подразумевает выделение четырех основных стадий (см. табл. 1).

Таблица 1 Стадии развития интеллекта, по Ж. Пиаже

Стадия интеллекта	Возрастные границы, лет	Итог
Сенсо-моторный	0–2	Становление схем физических действий, формирование умственных координаций
Дооператорный	2–7	Феномены Ж. Пиаже (анимизм, центрация, эгоцентризм, трансдукция, несохранение)
Конкретно-операторный	7–11	Формирование конкретных операций (с объектами, но не высказываниями)
Формально-операторный	11–15	Гипотетико-дедуктивное познание, формирование формальной логики

К числу несомненных заслуг Ж. Пиаже относят предложенную им *позитивную* характеристику детского мышления: описание и изучение «феноменов Пиаже», раскрывающих качественную специфику интеллекта ребенка. Но задачи развития не формулировались ученым в рамках биполярных задач. Не в последнюю очередь этот результат был достигнут за счет применения специфического метода — *клинической беседы*, представляющей собой слабоструктурированное интервью, главной задачей которого было установление доверительных отношений с ребенком и выявление его картины мира.

Существует обширная критическая литература, посвященная научному наследию Ж. Пиаже (ее начало было положено дискуссией автора с Л.С. Выготским). Нам же важно только отметить, что гендерные особенности мышления детей разного возраста оказались вне фокуса интереса концепции.

Наконец, к классическим зарубежным и широко известным теориям развития личности следует отнести психоанализ З. Фрейда [2], выделявшего пять стадий развития в зависимости от того, какая зона тела (эrogenная зона) приносит наибольшее удовлетворение ребенку в определенном возрасте (см. табл. 2).

Таблица 2 Стадии психосексуального развития, по З. Фрейду

Стадия	Эrogenная зона	Возрастные границы, лет	Итог	
			Норма	фиксация
Оральная	Рот	0–1	Нарциссизм, любовь к себе	Постоянная озабоченность едой, пристрастие к курению и выпивке, предпочтение орального секса
Анальная	Сфинктер	1–3	Аккуратность, бережливость, упрямство	Небрежность, скупость, мстительность
Фаллическая	Гениталии	3–5	Самонаблюдение, благоразумие, рациональное мышление (через разрешения комплекса Эдипа/Электры)	Утрирование мужского поведения (у обоих полов) с усиленной агрессивностью
Латентная	Нет	5–12	Освоение общечеловеческого опыта через игры, спорт, учебу	Нет
Генитальная	От гениталий и своего тела – на сверстников другого пола	12–18+	Психическая гетеросексуальность	Отрицание своей сексуальности (аскетизм, презрение к ней...) или нарциссизм

Итоги каждой стадии психосексуального развития З. Фрейд формулирует двояко. В случае нормы формируются социально одобряемые черты личности. А при фиксации на определенной стадии неразрешенность задачи возраста ведет к формированию негативных характерологических черт, которые будут сопровождать человека на протяжении жизни, ее содержание вытесняется в бессознательное. Именно это вытесненное содержание впоследствии невротизирует взрослую личность. Нерешенность задачи стадии является, по З. Фрейду, фатальна, она не может быть разрешена на более позднем этапе развития. Излечение невроза возможно лишь в рамках продолжительной психоаналитической практики, которая обеспечивает помощь психотерапевта в анализе бессознательного детского опыта, переводя его на уровень сознания и «разрешения» неизжитых детских аффективных комплексов.

Гендерная специфика развития в его теории отражена слабо, она присутствует только на третьей, фаллической, стадии развития, а личностное развитие женщины трактуется как дефицитное, ущербное по сравнению с мужским («зависть к пенису»).

Методически особенности стадий личностного развития изучали ретроспективно — на основе воспоминаний в жанре нарратива о своем детстве взрослых клиентов, обратившихся за получением психологической помощи.

При всем несходстве рассмотренных классических теорий развития личности, касающемся методов ее изучения и ключевых ее аспектов (психологические новообразования возраста — Д.Б. Эльконин, мышление — Ж. Пиаже, мотивация/сексуальность — З. Фрейд), обращают на себя внимание две общие особенности: слабая проработанность гендерной специфики такого развития и его ограниченность возрастными рамками от рождения до юношеского возраста¹.

Кроме того, в научной школе Ж. Пиаже и в рамках отечественной традиции возрастной психологии, прежде всего связываемой с именами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.В. Давыдова и П.Я. Гальперина, задачи каждого возрастного отрезка в развитии личности являются униполярными, т.е. предполагают единственно возможный достижимый результат. Только в психоанализе для каждого возрастного этапа развития личности допускается биполярность его итогов. При этом один из полюсов является патологическим, а другой — нормой.

Таблица 3 Стадии развития личности и задачи возраста, по Э. Эриксону

Возраст	Позитивный полюс задачи	Негативный полюс задачи	Доблесть
0–1,5 года, младенчество	Формирование базового доверия к миру	Против чувства разобщенности и отчуждения, формирующих базовое недоверие к миру	Надежда
1,5–3 года, раннее детство	Борьба за собственную независимость от взрослых и самостоятельность	Против стыда и сомнения в своих действиях	Власть
3–6 лет, игровой возраст	Развития активной инициативы	Против проявления чувства вины и моральной ответственности за свои желания	Произвольность
6–12 лет, школьный возраст	Получение навыков трудолюбия и умения обращаться с орудиями	Против сознания собственной неумелости и неполноценности	Компетентность
13–18 лет, юность	Первое цельное осознание себя и своего места в мире, формирование зрелой идентичности	Против спутанной идентичности	Верность
18–30 лет, ранняя взрослость	Поиск спутника жизни и близких дружеских связей, интимность	Против чувства одиночества, изоляции	Любовь
30–60 лет, взрослость	Самовыражение личности в производительности (для мужчин — в форме творчества, для женщин — в форме рождения и воспитания детей)	Против стагнации или погруженности в себя	Забота о другом
60–..., зрелость	Принятие событий своей жизни и интеграция их в широкий социальный контекст	Против отчаяния от невозможности изменить жизненные обстоятельства	Мудрость

¹ Попытки российских психологов распространить периодизацию за пределы юношеского возраста сохраняют отмеченные особенности [3] или апеллируют к предельно абстрактному понятию субъектности [7]. Объединяющей особенностью этих попыток становится отсутствие эмпирической наполненности предлагаемых этапов и стадий становления личности, в том числе за пределами детства.

Рассмотрим понимание возрастных задач развития в парадигме life-span development, рассматривающей развитие личности на протяжении всего жизненного цикла.

Становление подхода, призванного выделить специфические задачи, с которыми сталкивается личность на разных этапах своей жизни, можно найти в трудах классика современной социальной науки о жизненном пути личности — Э. Эриксона (см. табл. 3).

Его описание жизни человека насчитывает 8 стадий, определяющих характеристики только личностной идентичности (представления о самом себе, Я-образа, Я-концепции и т.п.). Каждой из стадий присуща одна специфическая задача возраста (это понятие впервые вводится Э. Эриксоном). Последняя выдвигается обществом, которое и определяет содержание развития на каждом его этапе с точки зрения наиболее полного включения индивида в общество. Решение задачи подготавливается достигнутым уровнем психосоциального развития на предыдущих стадиях и имеет большое значения для последующих возрастных этапов.

Задача возраста описывается в терминах ее биполярных (успешных или неуспешных) решений (например, инициатива против стыда или сомнения). Э. Эриксон (в отличие от ортодоксального психоанализа) подчеркивал, что решение задачи *неокончательно* и является, скорее, установлением определенного динамического баланса между двумя крайностями, поскольку достигнутое решение неустойчиво. Если задача стадии решается в основном успешно, то у ребенка/человека формируется «доблесть» (*virtue*) — социально одобряемая черта характера.

Важно отметить, что испытав серьезное влияние психоанализа, Э. Эриксон выделяет позитивный и негативный полюса возрастной задачи. Однако при этом универсализм и категоричность З. Фрейда в отношении «нормы–патологии» смягчены за счет того, что положение «доблести» (психологического новообразования возраста в терминологии российской возрастной психологии) на биполярном континууме (при всей оценочности названий его полюсов) социально нормировано. Такой релятивизм оказывается более эвристичен при интерпретации различных культурно-специфичных воспитательных практик и их результатов. Например, в описанном М. Мид племени мундугоморов, практикующем каннибализм, а при воспитании новорожденного ребенка использующих грубую цинковку, не обращающих внимание на его плач и т.п. [9, с. 15], вполне закономерно формирование базового недоверия к миру (несмотря на то что этот полюс возрастной задачи у Э. Эриксона назван отрицательным).

Далее, по Э. Эриксону, задачей развития в юности является формирование первой зрелой идентичности личности. Однако, например, в условиях нестабильности в обществе, отсутствия четких идеологических ориентиров, неясности, многозначности своего будущего часть молодых людей может уйти в так называемый мораторий. По Э. Эриксону, «мораторий — это период отсрочки, предоставляемый тому, кто не готов принять обязательства. Под социальным мораторием мы подразумеваем отсрочку от взрослых обязательств, но все же это только отсрочка» [13, с. 168]. Каждое общество и каждая культура институционализируют мораторий для большинства представителей своего молодого поколения. Американский ученый полагал, что большинство форм юношеского отклоняющегося поведения, особенно в организованных формах, является попыткой установления социального моратория. Если же в мораторий попадают особенно одаренные, творческие люди, они могут сформировать новую систему ценностей для данного общества.

Даже если зрелая идентичность не будет сформирована к окончанию юности, это не будет катастрофой для личности. Нерешенная задача любой стадии может быть перенесена на следующий этап развития. Но в этом случае ее успешное решение потребует от человека гораздо больших усилий, чем своевременное выполнение задачи.

Жизненным этапом, соединяющим детство и взрослость, является юность. «Само понятие подростничества, юности и превращение молодых людей в возрасте от 15 до 28–30 лет в особый "третий мир" (И.С. Кон), отличающийся как от мира детства, так и от мира взрослых и являющийся мостом между этими двумя состояниями, сформировалось как необходимый этап выбора дальнейшего жизненного пути» [13, с. 148]. В.В. Павловский отмечает, что «границы общественной молодости конкретно-историчны и вместе с тем имеют достаточно условный характер, они дифференцированы по отношению к различным группам и слоям молодых людей» [5, с. 115].

Одним из важнейших институтов социализации в современных обществах является образование. Однако оно, с одной стороны, удлиняет этот процесс, а с другой — вырабатывает собственные критерии социальной успешности личности. Эта успешность оценивалась с помощью интеллектуальных тестов, которые измеряли в первую очередь освоенность содержания школьного образования. Однако в последнее время у ученых разных стран возникает все больше вопросов о том, как коррелирует школьная успеваемость и хорошая адаптированность ребенка и подростка к школе с его дальнейшим психологическим здоровьем и социальной успешностью.

Так, например, П. Балтес (P.V. Baltes), Х. Риз (H.W. Reese) и Л. Липситт (L.P. Lipsitt), представители направления *life-span development* отмечали, что «...с точки зрения психологии развития, направления и формы образования детей необходимо брать в расчет задачи развития подростков, взрослых и людей пожилого возраста, вместо того чтобы ориентироваться только на цели детского развития; детское обучение должно строиться с учетом "предвосхищающей социализации" (*anticipatory socialization*). Оно также должно учитывать разнообразие целей и разнонаправленность (неоднозначность) последствий развития больше, чем культурную гомогенность и регламентированность индивидуальной жизни. Обучение детей должно также уменьшать негативные последствия перехода на более поздние стадии развития. Так, возможность существования отдаленных побочных эффектов детского развития и их изучение становится важной исследовательской задачей» [15, р. 263].

По Э. Эриксону, биполярной возрастной задачей в юности является формирование первой зрелой идентичности (в противовес ее спутанности). Следует отметить, что ученый считал юность центральным, важнейшим этапом в развитии личности. Доблесть этой стадии — верность. Несмотря на то что период юности захватывает пубертат, Э. Эриксон практически не отмечает гендерно-специфических задач для подростков, находящихся на этой стадии развития.

Применительно к более поздним этапам жизненного пути личности Э. Эриксон выделяет следующие биполярные возрастные задачи:

- (*intimacy versus isolation*) интимность, поиск спутника жизни и близких дружеских связей против изоляции (18–30 лет). Разрешением этой дилеммы будет формирование той или иной степени умения любить, отражающей близость к одному из полюсов континуума задачи возраста;

- (generativity versus stagnation) производительность против самопоглощенности и стагнации (30–65 лет). В качестве новообразования Я-идентичности здесь выступит забота о другом;
- (integrity versus despair) принятие событий своей жизни против отчаяния (65+ лет). Доблестью этой стадии является мудрость (wisdom).

Человек во взрослой жизни находит свое место на этих континуумах, так или иначе решая биполярную задачу возраста. Причем согласно эпигенетическому принципу, результаты (раз)решения этих задач (которые нередко происходят через кризис) актуализируются на следующей возрастной стадии и вносят свой вклад в способ и результат разрешения последующих кризисов.

Как всякий подход, эпигенетическая концепция Э. Эриксона обладает рядом уязвимых для критики особенностей. Однако для нас в данном случае важно отметить, с одной стороны, что он сохраняет свое место в ряду «классических», а с другой — служит основой для последующих коррекции и развития взглядов на развитие личности.

Так, применительно к среднему возрасту известный исследователь жизненного пути личности (в данном случае мужчины) Д. Левинсон (D.J. Levinson) расширил перечень возрастных биполярных задач. По его мнению, в середине жизни мужчина сталкивается не с одной, как полагал Э. Эриксон, а с четырьмя полярностями (цит. по: Wrightsman L.S. Adult personality development. Applications [21, p. 129]):

- привязанность/отделенность (separateness) — последнее интерпретировалось, скорее, как погружение в свой внутренний мир;
- деструктивность/созидание (creation);
- мужественность/женственность (с опорой на идею К. Юнга об анимусе/аниме);
- молодой/старый (old).

При этом сам автор отмечает существенную особенность: «...оба полюса полярности сосуществуют внутри одного Я» (Op. cit.).

Аналогично этому автор двухтомной работы о развитии личности во взрослости — Л. Райтсмен (L.S. Wrightsman), говоря о взрослости в целом, дополняет перечень «диалектических нерешенных вопросов (issues)», оставляя его открытым [21, p. 154–155]:

- *непрерывность против изменения* — предсказуемость, продолжение исполнения привычных ролей, удовлетворяя потребность в контроле, или самоизменения не только ради новизны, но и для личностного роста (для кого-то это, возможно, воплощается в противоречие упорядоченности и творчества);
- *достижение результата (achievement) против отношений* — в 20 с чем-то лет в профессии человек ориентирован прежде всего на достижение результатов. К 40 годам эта мотивация может ослабевать, будучи дополненной необходимостью поддержания оптимальных отношений с коллегами, стремлению к товариществу, профессиональной солидарности;

- *исполнение роли против индивидуальности.* Осваивая социальные и межличностные роли в процессе социализации, мы становимся более предсказуемыми для других акторов и снижаем собственную тревожность. Но вместе с тем с определенного момента нам необходимо признание в качестве неповторимой индивидуальности, проявляемой, например, в спонтанности и откровенности, т.е. с помощью выхода за пределы усвоенных ролей;
- *немедленное удовлетворение (gratification) против отсрочки удовольствия (pleasure)* — за этим стоят не только реалии повседневной жизни многих взрослых, но и два крайних компонента структуры личности в психоанализе;
- *свобода против безопасности.* Еще Э. Фромм в «Бегстве от свободы» отметил противоположность свободы, с одной стороны, и безопасности — с другой. На уровне социума им были отмечены две противоположные тенденции: рост свободы и вместе с тем отчуждения и потребности в безопасности. А на уровне личности проанализированы механизмы бегства от свободы.

Обратимся к старости как завершающей стадии развития личности, по Э. Эриксону. Современное общество ценит молодость или хотя бы молодость, и потому старается не замечать старости, боится ее. В развитых странах в связи с ростом продолжительности жизни пожилой возраст занимает все более заметное место в онтогенезе. Немецкий ученый В. Хесле понимает старость как «превращение времени во внутренний фактор жизни организма» [10, с. 113].

Геронтология, изучающая различные аспекты старения, является междисциплинарной областью знания. С увеличением количества данных о процессе старения пришло понимание старости не просто как органического умирания, конца, а как качественно нового отрезка онтогенеза значительной продолжительности. «Речь идет не просто о новом качестве или новой ступени развития, а прежде всего о новом и все более глубоком и неожиданном развертывании и формировании жизненных смыслов, неповторимых и уникальных» [1, с. 67]. Таким образом, М.Э. Елютина выделяет одну из биполярных задач этого возраста: формирование новых уникальных жизненных смыслов в противовес своеобразной ригидности (сохранению прежних). Видимо, разрешение этой возрастной задачи происходит путем создания нового «гештальта» на основе рефлексии пройденного жизненного пути, на что указывал Э. Эриксон.

В целом Э. Эриксон был одним из первых ученых, рассматривавших старость как необходимый *позитивный* отрезок жизненной траектории личности. Он полагал, что последняя стадия жизненного пути личности (от 65 лет и до конца жизни) призвана создать новую форму Я-идентичности. Подобно тому, как в юношеский период складывается первая целостность Я, в старости формируется *окончательная конфигурация идентичности* на основе пройденного пути развития. Весь жизненный путь, вся жизненная траектория переосмысливается и выстраивается для человека в определенный порядок пережитых событий, радостей, триумфов, разочарований и неудач. Снова актуализируются юношеские проблемы осознания себя и своего места в окружающем мире. Но теперь они решаются не в напряженном поиске профессионального призвания или проб себя в различных ролях, а в духовных раздумьях о прожитой жизни, которые могут вылиться в реальное путешествие к месту своего рождения

или юношеских лет, какое проделывает, например, герой фильма И. Бергмана «Земляничная поляна» доктор Борг.

Достижимое осмысление своей жизни как единственно возможного варианта человеческого бытия в сложившихся обстоятельствах противостоит чувству неприятия (отрицания) пройденного пути (или его части). Человек на этой стадии сталкивается с задачей как бы со стороны увидеть, что его жизнь представляет собой относительно короткий временной отрезок, прожитый в конкретный исторический период, в конкретном обществе, и является отдельной неповторимой судьбой, в которой не нужно и/или невозможно что-то переделать. Такая конечная внутренняя уверенность преодолевает страх перед смертью. Однако если не удастся достигнуть такого ощущения «мирового порядка и духовного смысла» (обрести уникальные жизненные смыслы, по М.Э. Елютиной), появляется отчаяние, оттого что слишком мало остается времени для реализации планов. Страх перед смертью вызывает потерю «вкуса к жизни», отвращение к ней и отчаяние.

Приспособление к старости в качестве составного элемента включает психологическую потребность в воспоминаниях и размышлениях о прошлом. Пожилым людям свойственно проводить много времени в поисках сквозных тем и образов, которые придают жизни смысл и связность. Иногда они испытывают потребность связать эпизоды и ситуации из своего прошлого в логическую и упорядоченную последовательность. Некоторые пожилые люди размышляют о том, какое наследие они оставят после себя, что они дали миру, чем они запомнятся своим потомкам: созданными ими произведения искусства или услугами, оказанные обществу, трудовыми достижениями или детьми. Многие рассматривают своих внуков как своего рода наследие, в котором будут продолжать жить их ценности и останется след их личности.

Социально позитивным исходом, (раз)решением задачи этой возрастной стадии может стать обретение мудрости, которую Э. Эриксон определял как «отстраненный интерес к жизни как таковой перед лицом самой смерти» (цит. по: Coles R. «E. Erikson. The growth of his work» [16, p. 237]).

Развивая взгляды Э. Эриксона, R. Реск (1982) предложил разбить последнюю стадию развития личности, по Э. Эриксону, на две отдельных (средний и пожилой возраст) (цит. по: Wrightsman L.S. «Adult personality development. Applications» [21, p. 84]). Для каждого из них он предложил свой набор биполярных возрастных задач. Тогда для среднего возраста это:

- обучение признанию мудрости против признания физической силы (power);
- обучение социализации человеческих отношений против их сексуализации;
- развитие катектической² гибкости против ее истощения. Согласно Р. Пеку, ценится умение сдвигать эмоциональные вложения (investments) с одного человека на другого, а не с одной деятельности на другую;
- установление ментальной гибкости против ее ригидности.

Для пожилого возраста (old age) в качестве биполярных задач выступают:

² Метафорическое понятие cathectis использовалось в психоанализе для описания направленности и сцепленности энергии бессознательного с объектом. В широком смысле последний интерпретируется как все, что безразлично человеку и интересно ему.

- дифференциация Я против поглощенности профессиональными ролями (желательность для пенсионера сдвига ценностной системы и переопределения своей самооценки на других основаниях, кроме профессии);
- телесная трансцендентность против поглощенности ею;
- трансцендентность Я против поглощенности Я.

Таким образом, понятие задачи возраста остается востребовано в современных рассуждениях о жизненной траектории личности, оно дополняется и развивается. При этом полярности этих задач, выделяемые разными и даже одним и тем же автором, частично содержательно перекрываются, а сам перечень может быть дополнен.

Однако гораздо более серьезным упреком в адрес таких теоретических построений может быть их претензия на универсальность и, в частности, независимость от гендерной принадлежности личности.

Единственная гендерная особенность в (раз)решении биполярной задачи юности была отмечена Э. Эриксоном в этнографических экспедициях, где юноши и девушки, не готовые/не желающие идти традиционным гендерно нормированным путем для представителей их племени, уходили в пустыню за «видениями». Если они возвращались из этого путешествия, то впоследствии выполняли специальные роли (девушки становились знахарками, целительницами; юноши — изготовителями охотничьих орудий или посредниками в общении с потусторонним миром). Этот обычай и был впоследствии переосмыслен Э. Эриксоном как мораторий.

Таким образом, это свидетельствует о гендерно-специфических вариантах непринятия гендерных ролей, типичных для конкретного общества при решении задачи юности.

Последователь Э. Эриксона, Д. Левинсон, проведя биографические интервью с мужчинами и женщинами среднего возраста, обнаружил, что на женщин в молодости значительно большее давление оказывают так называемые биологические часы, которые напоминают им, что время идет и надо успеть родить ребенка, пока это возможно.

Он же отмечал, что переход к поздней взрослости, который происходит обычно в 60–65 лет, легче переносят женщины. Он связывал это с исполнением ими традиционных гендерных ролей: матери, хозяйки дома, человека, поддерживающего родственные отношения. Эти роли сохраняются после выхода на пенсию. Мужчины же всю жизнь строившие свою идентичность преимущественно на основе профессиональной роли и социального статуса, теряют их при выходе на пенсию, что приводит к более серьезным переживаниям этого нормативного кризиса.

Одна из наиболее ярких попыток показать гендерную специфику применительно к развитию личности была предпринята в области ее когнитивного (точнее — морального) развития К. Гиллиган (С. Gilligan), которая, развивая идеи Л. Колберга, отметила мужской характер его концепции. В результате чего в отношении женщин применяется «нечестный парадокс: те же черты, которые (для мужчины) считаются «хорошими» для женщины означают ее моральное недоразвитие» (цит. по: Gilligan С. «In a different voice» [17, р. 113-114]). В частности, большее значение межличностных отношений в жизни женщины не означает «более низкий уровень морального развития».

Однако, если говорить о гендерной специфике развития личности в среднем возрасте, имеются определенные свидетельства в пользу идеи К. Юнга [14] о некотором смягчении этой специфики, проявлении мужских черт у женщин и женских у мужчин.

Так, по некоторым данным, в возрасте старше 20 лет мужские/женские различия максимальны, что иногда связывают с активной фазой профессиональной карьеры и, возможно, сдвигом в сторону традиционного распределения внутрисемейных ролей из-за рождения первенца. Позднее (например, с уходом взрослых детей из родительского дома — фаза «пустого гнезда» в жизненном цикле семьи) у каждого пола отмечается проявление стереотипно не присущих ему черт. Так, мужчины становятся менее уверенными в себе, а женщины — наоборот. Кроме того, традиционно более низкая в разных возрастных группах самооценка женщин в это время растет [21, р. 142; 22, р. 61, 66].

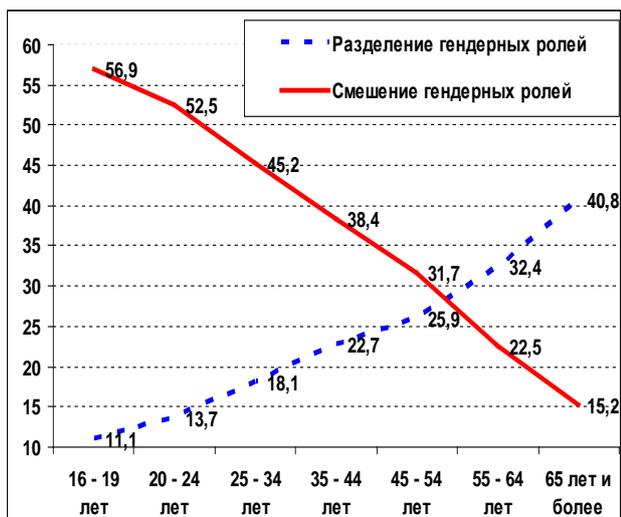
Отметим при этом, что далеко не всегда приводимые данные получены в рамках лонгитюдной стратегии. Кроме того, не следует забывать о разнообразии самих мужчин и женщин.

Оба этих исследовательских вызова попыталась учесть в своем исследовании Р. Джосселсон (R. Josselson) [18]. Во-первых, она выделила четыре типа Я-идентичности женщин. *Хранительницы*, которые исповедуют ценности своей родительской семьи, их главная психологическая потребность — безопасность. *Достиженки*, которые строят свою уникальную идентичность, их главная психологическая потребность — независимость. *Находящиеся в моратории*, которые продолжают искать свою идентичность. Главная потребность этой категории женщин — экспериментирование. *Неопределившиеся*, которые не пережили кризис идентичности, находятся на низких уровнях психологического функционирования. Их главная потребность — принадлежность. А во-вторых, показала их устойчивость в течение 12 лет.

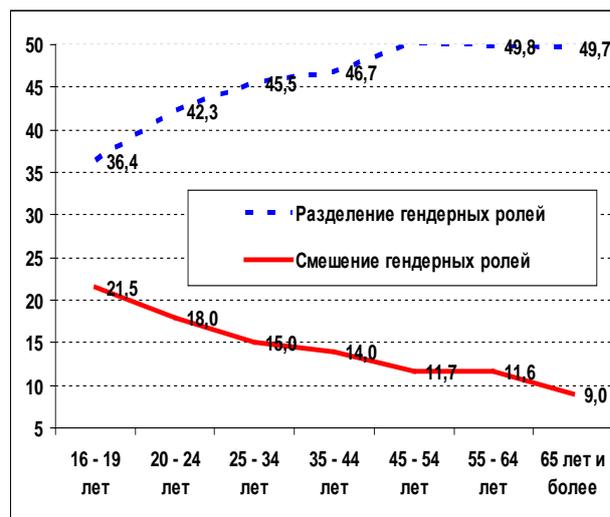
Отталкиваясь от ее типологии, мы совместно со специалистами исследовательской компании КОМКОН разработали инструментарий (опросник) для выявления аналогичных типов Я-идентичности (Хранители, Достиженцы, Аутсайдеры, Негативисты). Кроме того, была сконструирована биполярная шкала «смещения–разделения гендерных ролей» (см. более подробно: Солодников В.В., Солодникова И.В. «Зрелый возраст в контексте жизненного пути» [8]).

В результате, по данным репрезентативной общероссийской городской выборки 2007 г. (36 183 респондента), были выявлены существенные различия между мужчинами и женщинами в их представлениях о (гибкости/жесткости) гендерных ролей. Городские россияне-современники старше 55 лет предпочитают придерживаться четкого и однозначного разделения мужских и женских ролей (у мужчин это выражено более ярко). Чем меньше возраст (особенно у женщин), тем в большей степени они допускают «взаимозаменяемость, взаимопроникновение» полов в повседневной жизни, а значит, реализуют обе модели поведения. Причем для женщин в возрасте 45–54 года значимость «черно-белого» и взаимодополнительного подхода к гендерным ролям приблизительно одинакова (на левом графике — это точка пересечения двух кривых — см. рис. 1).

Женщины, возраст 16+ лет

Мужчины, возраст 16+ лет

Рисунки 1 – Половозрастные особенности гендерной идентичности, TGI-Russia-2007, % соответствующей возрастной группы

Отметим, что при получении этих данных использовалась срезовая (cross-sectional) исследовательская стратегия, поэтому, строго говоря, их интерпретация в генетическом плане (развития личности в течение жизни) некорректна, так как альтернативное объяснение связано с когортными различиями³. Но если ее допустить, то оказывается, что:

- У мужчин изначально (по крайней мере с возраста 16 лет) установка на четкое разделение гендерных ролей выражена сильнее, и с возрастом она только укрепляется.
- Женщины, напротив, в юности в значительно большей степени ориентированы на смешение гендерных ролей, однако постепенно специализация полов становится для них все более весомой и значимой. Более того, после 45–54 лет происходит перелом, и в дальнейшем установка на разделение гендерных ролей оказывается более выражена (и усиливающаяся).

В этом случае идея К. Юнга (см. выше) о нивелировке с возрастом психологических различий между полами не находит своего подтверждения. Точнее представления мужчин и женщин о гендерных ролях действительно сближаются, но на основе их все более четкого разделения, а не совмещения.

В то же время наиболее социально успешные типы идентичности россиян среднего возраста (Хранители и Достиженцы) у женщин и мужчин являются зеркально дополнительными друг другу: у женщин значимо преобладает смешение гендерных ролей и значимо меньше выражено их разделение, у мужчин наоборот.

³ Тогда статичная интерпретация полученных различий будет связана с тем, что самые молодые респонденты родились после начала перестройки, а наиболее пожилые — до начала Великой Отечественной войны. Соответственно они социализировались в различных культурно-исторических условиях и обладают качественно иными наборами ценностей и установок, включая взгляды на место женщины в семье и обществе.

Причем если наибольшая ролевая гибкость востребована у Хранительниц (в современных российских условиях, видимо, совмещающих профессиональные и семейные роли), то достижения-женщины (ориентированные на карьеру) обогащают свою Я-идентичность мужскими чертами (проявляя андрогинность), а достижения-мужчины значимо, но умеренно акцентируют свою мужественность. Не исключено, что в условиях современной, в значительной мере традиционной и мужской, культуры достигательная мотивация россиянок предполагает использование ими как мужских, так и женских личностных черт. А россиянам-мужчинам следует подчеркивать, агравировать, усиливать мужественность.

Итак, наблюдается гендерная специфика Я-идентичности, которая должна быть связана с выбором способов решения биполярных задач среднего возраста мужчинами и женщинами.

Таким образом, имеются определенные свидетельства гендерной специфики развития личности на протяжении всей жизни. Но не до конца ясно наличие гендерно-специфичных возрастных задач. Кроме того, лонгитюдные данные на этот счет ограничены и нуждаются в рефлексии американских культуральных особенностей. А срезовая исследовательская стратегия оставляет возможность двойственной интерпретации.

Все это акцентирует значимость методической специфики при исследовании обсуждаемых сюжетов. Это непростая и объемная тема. Мы хотели только обозначить некоторые ее контуры.

Во-первых, весьма влиятельный и эмпирически мощно фундированный (в том числе использующий лонгитюдную стратегию и межстрановые сравнения, включая Россию) подход, получивший название «Большая Пятерка» личностных черт (см. напр.: «Personality traits of russians from the observer's perspective» [20]), подвергает сомнению значительную часть изменений личности за пределами молодости, более того, отстаивает весьма радикальную точку зрения о личности как причине культуральных изменений, а не наоборот [11].

Во-вторых, в этом смысле весьма эвристична идея Д. Макадамса (D.P. McAdams) о наличии в структуре личности трех, слабосвязанных и слабо взаимодействующих между собой слоев личности, причем каждому из них в большей степени соответствуют свои методы и методики исследования (см. табл. 4).

Предложенная схема способна примирить противников и сторонников личностных изменений в течение всей жизни. В то же время она не отменяет необходимости поиска возможных сочетаний количественных и качественных измерительных процедур в рамках одного исследовательского проекта, но может служить вспомогательным средством при анализе полученных данных.

Таблица 4 Уровни личности и методы их изучения (адаптировано из: [11, р. 184–186])

Уровень личности	Методика, инструментарий
Личностные (характерологические) черты	Закрытые опросники, вербальные тесты
Планы, цели, стремления (strivings), тактики, личностные проекты, защитные механизмы, стили совладания, задачи развития	Опросники (в том числе открытые), интервью
Целостная Я-идентичность	Разворачивающийся нарративный поиск (evolving narrative quest)

Подводя краткие итоги, выделим несколько основных положений.

- Представление о возрастной задаче, имеющей биполярную структуру, возникло в гуманитарной науке относительно поздно. Первоначально, например, в классических психологических теориях развития личности задачи развития формулировались преимущественно униполярно. Возможно, это было связано с решением одинаковых задач развития (как мальчиками, так и девочками) в рамках дошкольной и школьной систем обучения, завершением которых ограничивались эти концепции. И лишь при переходе к рассмотрению всего жизненного пути личности они стали в явном виде рассматриваться как биполярные.
- Понятие возрастной задачи, имеющей биполярную структуру и социально нормированной, теоретически востребовано, особенно применительно к анализу среднего возраста, жизненные траектории в течение которого отличаются значительной вариабельностью (по сравнению с более ранними и более поздними этапами жизненного пути).
- При анализе жизненного пути личности необходимо и важно учитывать социальный контекст, индикаторами которого могут быть не только индивидуализированные социальные характеристики (гендер, социальное и материальное положение, образование и т.п.), но и социально-исторические (принадлежность к определенному поколению (когорте), социализировавшемуся в данное время, в данной стране с ее культурным кодом).
- И возрастные задачи, и параметры социального контекста могут играть не только фоновую роль, но и быть инкорпорированы в методический инструментарий и анализ полученных данных.
- В случае использования сложных (качественно-количественных, лонгитюдных) исследовательских стратегий важна методологическая рефлексия, связанная с представлениями о различных слоях, ипостасях личности, доступ к которым может быть методически специфичен.

Литература

- 1 Елютина М. Э. Геронтологическое направление в структуре человеческого бытия. Саратов, 1999.
- 2 Крэйн У. Психология развития человека : 25 главных теорий. СПб. : Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2007.
- 3 Моргун В. Ф. , Ткачева Н. Ю. Проблема периодизации развития личности в психологии. М. : Изд-во МГУ, 1981.
- 4 Обухова Л. Ф. Детская психология : теории, факты, проблемы. М. : Тривола, 1995.
- 5 Павловский В. В. Ювентология : проект интеграт. науки о молодежи. М. : Акад. проект, 2001.
- 6 Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1994.
- 7 Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. № 5. С.38–51.

- 8 Солодников В. В., Солодникова И. В. Зрелый возраст в контексте жизненного пути // Человек. 2009. № 2. С.95–104.
- 9 Флэйк-Хобсон К., Робинсон Б. Е., Скин П. Мир входящему: развитие ребенка и его отношений с окружающими. М. : Центр общечеловеч. ценностей, 1992.
- 10 Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10.
- 11 Хофстеде Г., МакКрэй Р. Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личност. черт и культур. осей // Социологический журнал. – 2010. №. 4. С.9–41.
- 12 Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. С. 60–77.
- 13 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
- 14 Юнг К. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс, 1994.
- 15 Baltes, P. B., Reese H. W., Lipsitt L. P. Life-span developmental psychology // Annual review of psychology. Palo Alto, CA: Annuals reviews, 1980.
- 16 Coles R. E. Erikson. The growth of his work. Boston ; Toronto : Little, Brown & Co, 1970.
- 17 Gilligan C. In a different voice : psychological theory and women's development. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1982.
- 18 Josselson R. Finding herself : (pathways to identity development in women). San Francisco : Jossey-Bass Publishers, 1987.
- 19 Levinson D. J. The seasons of a man's life. New York : Ballantine Books, 1979.
- 20 Personality traits of russians from the observer's perspective / Allik J. et al. // European Journal of Personality. 2009. N 23. P. 567–588.
- 21 Wrightsman L. S. Adult personality development. Applications. Vol. 1. Thousand Oaks, Calif. : SAGE Publications., 1994
- 22 Wrightsman L.S. Adult personality development. Theories and concepts. Vol. 2. Thousand Oaks, Calif. : SAGE Publications, 1994.